

РА 1394 888

ИВАН ПОЛУЯНОВ

БАРАБАНЩИКИ ВЕСНЫ

Дорогой Виктор
Борисович
- на завтра наметь
встречу с Володей.
Встреча в 60.
Хорошего вечера
Виктор

из кн 2

В.В. Гурья

ИВАН ПОЛУЯНОВ

БАРАБАНЩИКИ ВЕСНЫ

РАССКАЗЫ

АРХАНГЕЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

В этой книжке около двадцати коротеньких рассказов. Автор их Иван Дмитриевич Полуянов раскрывает перед ребятами тайны лесов Севера, учит любить и беречь природу.

Когда птицы поют первые в своей жизни песни? Как цветёт ёлка? Почему лесную птичку свиристея называют красавой?

Много вопросов задаёт автор своему юному читателю и отвечает на них тут же, на страницах книги.

Рассказы «Барабанщики весны» с интересом прочтут и взрослые.

БАРАБАНЩИКИ ВЕСНЫ

Глухо под хвойными сводами бора. Тишина морозна и жгуча. Отбрасывая голубые лёгкие тени, сосны, как в зеркало, глядятся в сверкающий снег и шевелят сучьями, поправляя растрёпанные ветром кроны.

Зима-зимой!..

Этот покой обманчив. Уже март. Плывут по небу белые облачка, прогревает солнце в полдень, и капель выбила первые лунки на сугробах у подножий сосен. И на Севере близка весна — с чёрными проталинами, поллой водою и птичьим гомоном.

Есть в лесу барабанщики — статные молодцы в пёстрых мундирах и красных шапочках. Под их барабаны идёт, спешит весна в наши таёжные края с далёкого тёплого юга.

...Сверкают под солнцем сугробы. Безлюдье. Тишина.

Вдруг рассыпалась барабанная дробь. Гулкая, весёлая!

Барабанщик держится строго и прямо, как солдатик. Оглядывает сухой сук на сосне и правым глазом, и левым.

Цепляясь одной лапкой за кору, дятел другой лапкой почесал затылок, будто шапочку поправил! И

принялся выстукивать клювом по суку — гром, трезвон на всю округу.

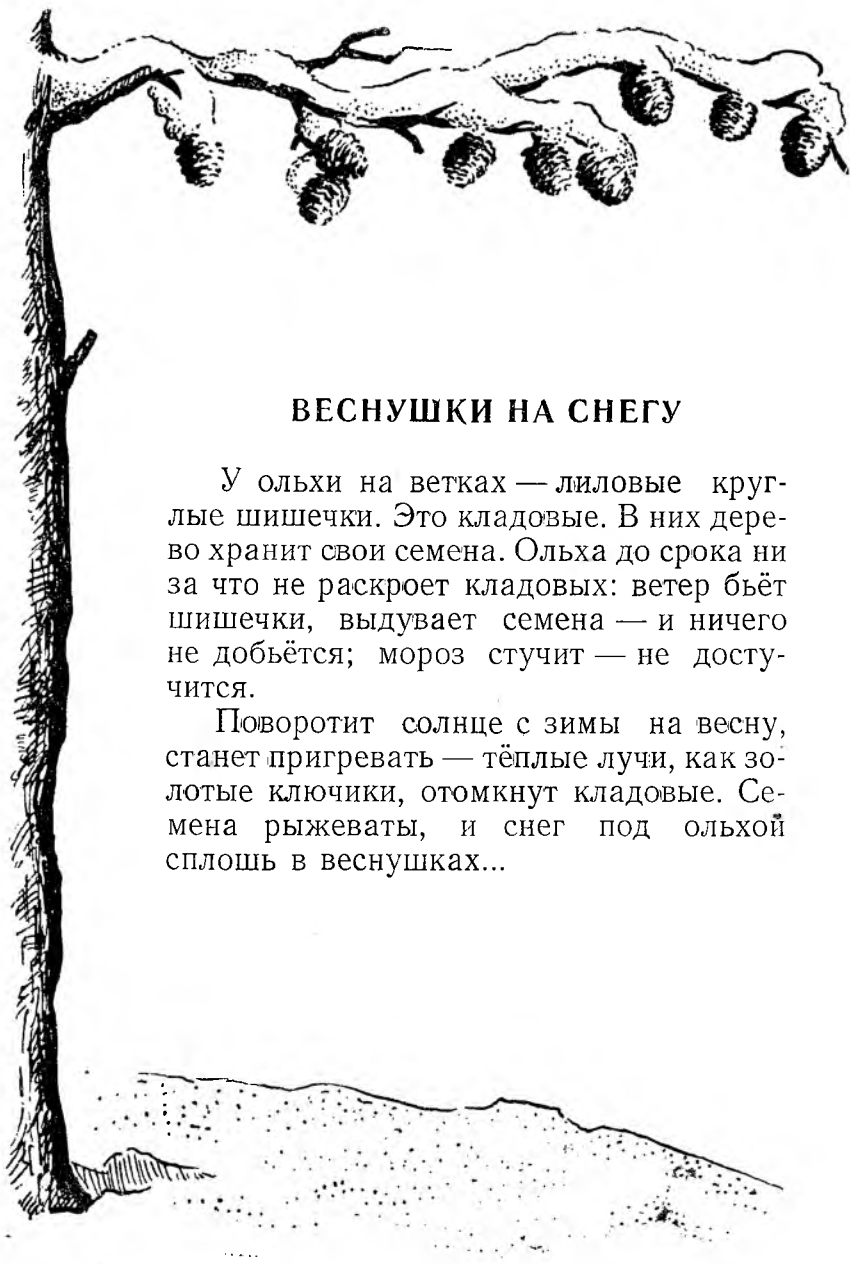
Трели лесного барабанщика коротки, отрывисты — под них не нашагаешь, под них бегом поспевай!

Верно, дятел долбит деревья круглый год. Да сравнишь ли его деловую стукотню с весенней ликующей музыкой!

Начиная с середины марта, дятел-барабанщик особому трелит — частит. И неудивительно: земля у нас большая, путь весны долог. Станет она маршировать, как на параде, — раз-два! раз-два! — куда поспеет?

Опытны барабанщики весны, несут службу как надо.

ВЕСНУШКИ НА СНЕГУ

У ольхи на ветках — лиловые круглые шишечки. Это кладовые. В них дерево хранит свои семена. Ольха до срока ни за что не раскроет кладовых: ветер бьёт шишечки, выдувает семена — и ничего не добьётся; мороз стучит — не достучится.

Поворотит солнце с зимы на весну, станет пригревать — тёплые лучи, как золотые ключики, отомкнут кладовые. Семена рыжеваты, и снег под ольхой сплошь в веснушках...

ЕЛЬ В ЛЮСТРАХ

Серый ствол морщинист, испятнан сгустками смолы. Сучья кривы, на них больше сивых косматых лишайников, чем хвои. И стоит ель будто спросонок, будто непричёсанная.

Сколько снега было на ней зимою — вообразить трудно! Сейчас снег сбит ветрами наземь. Лишь кое-где вверху белсют мёрзлые комья, нанизанные на ветки.

Утро. Солнце.

Комья снега на пригреве затаяли. «Кап-кап-кап», — струятся капли.

Внизу тень, холод. Не достаёт сюда солнце. Упадёт капля на хвойную лапу, скользнёт по ней и — сразу застынет. Тут и там повисли на сучьях прозрачные сосульки. Снизу ель как в люстрах!

Поднимется солнце выше, осветит ель от вершины до подножья. И засияет она люстрами — забудешь, что ель лохмата и непричёсана!

Вверху солнце, внизу люстры горят — светло в тёмном ельнике весной.

НА ПЯТАЧКЕ

Я тихо шёл по насту вдоль берега. Зимой на реке не раз бегала лисица. Следы её захоронили выюги, но теперь они вытаяли. Каждый следок словно на столбике и сверху прикрыт льдистой коркой, как опечатан.

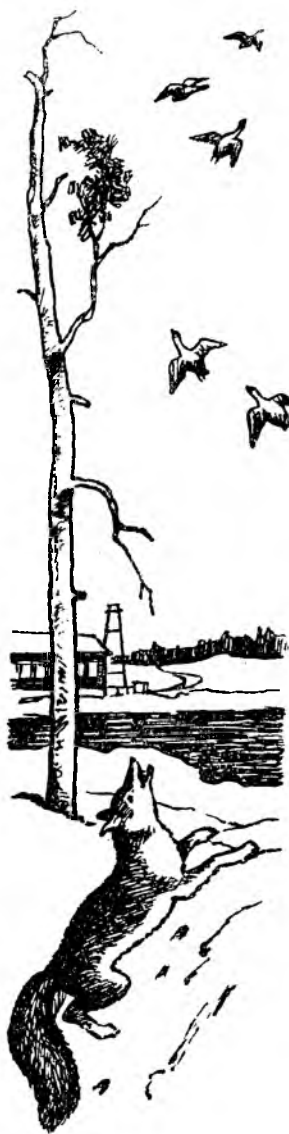
Любопытно, зачем рыжая сновала тут, посреди реки?

Лисьи следы перекинулись на берег и затерялись: в лесу снег ещё не тает — рано...

Отсюда рукой подать до Городищенской межколхозной ГЭС. Слышно, как гудят турбины, кипит и плещет у плотины вода. Утки крикают...

Утки? Откуда им взяться в такую рань? Долга песня до их прилёта в наши края!

Ползком, прячась за кустами тальника, я добрался до поворота реки и на незамёрзшем плёсе насчитал больше десяти крикв... До чего ж франтоваты селезни в весеннем уборе! Принаряжены в зелёный бархат. Перья хвоста завиты кольцами, на шеях белые галстучки, на крыльях по сверкающему зеркалу. Полощутся, охорашиваются серые утицы, подружки селезней, и посматривают в эти блестящие зеркальца:

— Кря-кря! Кря-я!

— Жвяк-жвяк, — солидно, баском отзываются селезнь-франты.

Стужа. Плёс курится паром. Вырываясь из турбин, шумит, клочечет чёрная дымная вода. Тугой струей хлещет она поверх плотины.

На проводах иней.

А на реке — утки...

Да это целое открытие! Я живо представил себе том зоологического справочника. И в нём строки: «Кряковые утки иногда появляются на Севере с первыми признаками весны, задолго до вскрытия рек, что объясняется...» Ну, это не моя забота, учёные доищутся, чем вызван ранний прилёт уток на реку Городищну!

Ломая наст, я вышел на дорогу. И вскоре догнал старичка с пестерём — лыковым коробом за плечами. Слово за слово, мы разговорились, и я поделился с попутчиком своим открытием. Дед, до этого дружелюбно и степенно толковавший со мной, приостановился:

— А ты, случаем, откуда будешь?

Я назвался.

— А-а,—протянул старичок.—

Оно и видно, что в родных краях давно не бывал. Открытие, говоришь? Наука? А какая

тут наука, ежели Городишна из-за плотины, почитай, на версту не замерзает? Да у деревни Дресвянки озеро с солёной водой — тоже незамерзающее. Кормов вдоволь, с какой стати уткам от нас осенью улетать? Тяжело даются птице перелёты: под крыльями мозоли набивает... Я ружьём балуюсь, есть пристрастие. Вот хотел было уток на плёсе пострелять. Хворые, думал, или нелётные они, поскольку в зиму у нас задержались. Всё едино им погибать. Д-да... А пришёл с охоты... хо-хо, как есть пустым! Не-лёт-ные? Ещё какие лётные! Живут-поживают и лиха не знают! Угодья-то с пятачок, да поди ж ты: своя сторонка всего дороже.

ЛЕСНОЙ КОНЦЕРТ

Вы никогда на лесном концерте не бывали? Идёмте вместе.

...Поляна вышита зелёными всходами трав. Вечереет. В шуме ручья по глубокому оврагу чудится сдержанный гул концертного зала, когда по рядам кресел нетерпеливо вспыхивают аплодисменты, и в оркестре музыканты трогают смычками струны.

Повеяло ветром, точно от движения распахиваемого занавеса.

А, дирижёр на месте! Устроился на макушке берёзы. Он в крапчатом фраке, поводит острым клювом и взмахивает крыльями и быстрее, и медленнее — будто пюпитр с нотами перед ним.

Только никто не признаёт скворца дирижёром, напрасны его старания. Музыканты — кто во что горазд. Дуют в флейты дрозды. Пеночки на ксилофоне играют: «тюнь-тень-тинь». Рябчик выводит тоненько, си-ничьим своим свистом: «петь... пе-еть, петь-не-пере-петь». Это он горихвостку подзадоривает: та поёт в

минуту по четыре песенки — и хоть бы что ей, не устаёт.

— Тю-ю-ю! — озадаченно протянул скворец. Сколько недоумения в его позе! Осрамился, а ещё во фраке.

Полетел незадачливый дирижёр к деревне.

Вслед ему раздался хохот. Вырвался на поляну рыжий куропад. Бьёт крыльями, голосит дико во всё горло:

— Хо-хо-хо! Куда вы! Куда!

Где бегом, где летом, скрылся в кустах. И там опять запустил «лешеву погудку»: «хо-хо!»

Плещет, звенит лес птичьими голосами. И звоном струй, будто аккомпанируя, вторит им ручей в овраге.

Трепеща крыльями, сорвался с ели лесной конёк — шустрая, вся в веснушках птичка. Поднимаясь вверх, конёк затрещал: «тир-тир-тир-ти»... Распластав крылышки, перешёл на протяжные посвисты: «сиа-сиа-сиа-си». И сел на соседнюю ёлку. Умолк — всю песенку на лету растряс.

Да, каких только солистов не встретишь на лесном концерте!

А кто же среди них первый?

По-моему, — соловейка. Не соловей, соловьёв на беломорском Севере нет, а соловейка. Иначе — варакушка.

Одну немудрёную песенку торопливо выстукивают теньковки, сами себя повторяют дрозды, горихвостки, даже прославленные соловьи. У нашего же соловейки — сто песен. Они неповторимы, и слушать их надо майскими вечерами, когда туман залегает в низинах и пахнет черёмухой, когда заря встречает зарю, и бледный серпик луны плывёт, правя куда-то далеко-далеко, где нет белых ночей.

Поёт он негромко, словно для себя, и сидишь ты, боясь пропустить хоть одно колено.

Переимчив варакуш, может один заменить весь лесной хор. Он и соловьиным щёлканьем с раскатом порадует, и зажурчит, подражая пеночке-весничке, и посвистит, как славка.

Он доверчив, наш соловейка. А если спугнёшь его нечаянно, он нырнёт в кусты голубой молнией, жарко вспыхнув красным хвостом. Раз увидишь варакуша и уже не забудешь!

Зиму он коротает в Индии или в Египте. Молодые варакушки отлетают под осень белесовато-бурыми, а возвращаются... Нет в лесах и тундрах Севера птички наряднее нашего соловейки!

У него белые брови, бурые крылья, а пёрышки под горлом нежны, как лепестки цветов, и яркие, как южная лазурь. Будто взял он на память частичку неба Индии — страны чудес, таинственную синеву Нила. чтобы принести на своей грудке:

— Смотрите, где я был и что видел!

Вечера не хватает соловейке, он прихватывает и ночи, чтобы вдоволь попеть. Слушаешь, слушаешь его — и вдруг увидятся незнакомые леса, населённые пёстро и диковинно оперёнными птицами, так и пахнёт на тебя благоуханьем тропиков, ароматом дальнего южного мира...

ТЁПЛАЯ ЗЕМЛЯ

Июнь, да погода не балует.

Тоскливо стонет ветер, гудят хмурые сосны на берегу озера, и бьёт в камни грузная холодная волна.

И всё-таки лето с нами! Приляжет ветер-сиверко в густой чаще на мох, разойдутся серые тучи — солнце откроет глаза. Светло лучатся тогда белые берёзы, отрадно синее небо, и пламенеют молодые листья, облитые пахучей смолой. Листья похожи на маленькие ладоши. Подняты они дружно: голосуют берёзы за солнце и тепло!

Цветёт черника. Мелки и неказисты розоватые бутоны. Но таковы нераскрывшиеся цветки. Те, что распустились, подрумянены солнцем и напоминают крошечные вазы. В вазочках — угощение медуницам, сладкий сок-нектар.

Толстый, неуклюжий, будто медведь, мохнатый шмель обследует кустик черники. Жужжит басом, ползает от бутона к бутонцу, ощупывая их лапками, и кустик дрожит, подгибается под его тяжестью. На задних лапках шмеля будто жёлтые штанишки. Это пыльца. Шмель собирает с цветов нектар и пыльцу. Много у

него забот! Он деловит и серьёзен. Куда он не поспеет, там на черничнике ягод не жди...

Шмель сполз с кустика на мох. Дышит тяжело — устал, видимо.

Снова небо затянуло тучами. Скрылось солнце, томительно и тревожно загудели сосны.

Шмель пережидает ветер и греется. От земли греется, прильнув к ней, забравшись лапками в мох...

ЖАВОРОНКИ

Сеяли уже ячмень. Парило по-летнему.

Шагая полями, я издали увидел, что у дороги оставился трактор. Хотелось пить, я прибавил шаг.

Тракторист — немолодой, усатый, с набрякшими от бессонницы веками, успевший дочерна загореть, — завтракал. Еду ему принесла тоненькая белоголовая девочка, босая и простоволосая. Она мне подала берестяной туес * квасу, я напился, поблагодарил и отошёл в сторону покурить.

Глядя на тракториста, как он резал хлеб, бережно прижав ржаную ковригу к груди, подбирая со скатерти крошки хлеба на задубелую ладонь, как он, прижмурив глаза, пил молоко, — я неизвестно почему подумал, что у тракториста большая семья и он её надёжная опора, что работает он не покладая рук и любит работу, что человек он широкой души, простой и добрый. Есть такие люди — открытые. С таким встретишься, словом, что называется, не обмолвишься, а уже испытываешь доверие, которое не обманет... Девочка играла роль хозяйки. Она наливала молоко в кружку,

* Туес — ведёрко из берёсты.

или, облупив яйцо, посыпала его солью, подавала отцу. Трясла пушистой головкой, заглядывала ему в глаза: «Вкусно, папа? Вкусно?» Конечно, сама собирала завтрак — отцовская любимица и баловница.

— Мамка ночью к скоту выходила, видела, что ты пашешь. Я проснулась, она и говорит: «Спи, — говорит, — Нюша, оба вы с батей полуночники». Она тебя с крыльца видела. А я твой трактор по мотору, когда хочешь, узнаю. Он так рычит: «ры-ы-ы»...

Девочка похоже передразнила рокот мотора и рассмеялась.

Рядом с пахоты вспорхнул жаворонок.

Забирая все выше, выше, он переливчато трелил, переходил на протяжные посвисты и рассыпал звенящую дробь.

Без жаворонка немые наши поля.

Он молчит на юге, подобно изгнаннику, не знающему чужого языка. Молчит долго — всю зиму. А чуть повеет в родных ему краях весной и на проталинах напрягутся бледные ростки трав, пряча в пазушках листьев будущие цветы, — кто подаст жаворонку весть о желанных переменах? Но запоёт он. И необычно звучат его трели среди пирамид, на путях верблюжьих караванов.

Тишком, незаметно исчезают от нас осенью жаворонки. А когда возвращаются, все об этом знают. Радостно заливаются их колокольчики над большими

городами, людными сёлами, в тиши степей, с высоты, где жаворонки едва светлеют бегучими точками.

Да что! Бывает, летом спугнёшь жаворонка с межи, и тогда он скрывается от тебя, распевая на лету. Птенцы его, покинув гнездо, вместе с робкими крыльями испытывают и свои голоса!

Нюшка из-под ладони следила за жаворонком. Он почти затерялся в синеве неба. Казалось, не крылья — сама песня подняла его ввысь и держит в воздухе...

— Папа, ты на тракторе слушаешь жаворонков или мотор не даёт?

— Я старый тракторист, дочка. Разве мотор забарахлит, тогда его услышу. А то — всё скворцов да жаворонков...

— Я так и думала! — с гордостью тряхнула головой Нюшка.

Внезапно жаворонок оборвал песню. Он странно обмяк и с распушенными крыльями повалился вниз. Девочка ойкнула, со всех ног кинулась по пахоте к упавшей птичке.

Жаворонок лежал на глянцевитом отвале земли. Нюшка прыгнула к нему, выставив вперёд руки, быстро присела — подол сарафанца надулся колоколом. Мелькнули белые штанишки, и подол опал.

— Мё... мёртвый!

Она держала жаворонка на ладони.

У певуна отвисала головка, на клюве наливалась капля крови.

— Папа! Что с ним, папа? — твердила Нюшка, пугливо кривя губы.

Перехватив мой взгляд, тракторист пожал плечами:

— В чём причина? За все годы, как я пашу, второй так, на моих глазах, гибнет. Не от возраста ли? Стар, видно, а спеть хотелось, как молодому...

И повернулся к Нюшке.

— Ну, ну... перестань-ка. Ты что думала: песни

легко даются? Да не горюй, другие-то жаворонки вон как разливаются. Слышишь?

Над вспаханным, пряно и сыро пахнувшим полем, над зеленеющими озимями и перелесками невидимы пели жаворонки...

ЕЛОВЫЙ БУКЕТ

В воскресенье ездил я за город, привёз из лесу еловую ветку.

Крупные цветы рдели в густой щетине хвои. Липкая пыльца желтела на красных чешуях, а из почек светлыми кистями выпирали свежие хвоинки.

Ветка приятно тяжелила руку, пахла зелёной прохладой, смолой и мёдом, и я радовался, что у меня такой нарядный и пахучий букет.

Я показал его встречному мальчику, когда вечером шагал улицей от трамвая к дому.

— Что, не видал такого? Хочешь, так возьми...

Мальчик привстал на цыпочки, тронул цветы пальцем и — отдёрнул руку.

— Зачем вы меня обманываете? Они ж не настоящие!

... А вы, скажите, видели, как ёлка цветёт?

СКАЗКА ТАЁЖНОГО РУЧЬЯ

Сперва я принял её за сук. Гладкий, серый. Затонул, лежит на песке. Дно ручья серое, и он ему под цвет.

Вдруг «сук» ожил... Молнией просияла над потоком притворщица-рыбка. И — чудо! Серая и неприметная в воде, на самом деле она была поразительно хороша: спина оливково-зелёная, бока словно позолочены, брюшко белое с серебряным отливом. А жёлтые плавники, а чёрное перо на спинке! А россыпь чёрных и красных пятнышек по всему округлому тельцу!.. Как тут было не вспомнить сказку о волшебном превращении лупоглазой лягушки в прекрасную царевну?

Вот ты какова — форель, живая сказка таёжного ручья!

Ивовый куст, склонённый к воде, был для форели скатертью-самобранкой.

Скользки листья ивы. Сел жук, сложил жёсткие надкрылья. И разъехались его лапки на листе, как на гладком паркете. Скатился он в воду.

— Пак, — раздался лёгкий звук.

Это форель осторожно, одними губами словила жука — вода не дрогнула, не зарябилась кругами.

Пролетала низко муха, и её поймала форель, упруго взметнувшись в воздух.

Закатилось солнце. Бурлил и бурлил ручей в лесу, как в хвойном ущелье. Вода, натолкнувшись на замшелую старую ель, перегородившую при падении ручей, кипела, как водопад.

Густели запахи хвои, тины, цветущего шиповника, темнело, и всё плескалась форель — живой сказке глухого лесного ручья не было конца!

СОЛНЕЧНЫЙ ЦВЕТОК

От тротуаров тянет едкой гарью. На антенне телевизора сонная от зноя галка с завистью косит глазом на ребят, играющих под грибком в песочнице. Цветы на клумбах поникли, повесили головки... Одним одуванчикам у забора полдневный зной нипочём.

Давая дорогу женщине с кошёлкой, я чуть не наступил на зелёную розетку листьев. Одуванчик рос из асфальта! Вон ближе к забору ещё зелёная розетка, подалее — другая...

Белый пух одуванчиков несло по городу как раз в то время, когда возле этого нового дома асфальтировали тротуары. Каждое семечко одуванчика снабжено парашютиком и, когда парашютики летели все вместе, — это было похоже на воздушный парад. Крепкие, здоровые семена попали на землю, пустили корни, а землю взяли и засыпали пористым шлаком, укатали тяжёлыми катками и залили асфальтом.

У забора тротуар кое-где вспучился. На асфальте остались отпечатки каблуков и босой маленькой ступ-

ни. Местами бугры треснули. Одуванчики цеплялись за края трещин зазубренными листьями, чтобы, понатужась, выкарабкаться из щелей к свету и, как флаг победы, выбросить на тонкой стрелке жарко вспыхнувший солнечный цветок.

У РАСКРЫТОГО ОКНА

Вершины дальних сосен дрожат в горячем мареве, сизой дымкой повиты лесные просторы. Затих на камне неугомонный кулик-перевозчик. Стрекозы не выются над омутом. И развесив, как уши, хвойные лапы, стоит ель на берегу — слушает, слушает... Да что услышишь! Монотонное бормотанье переката да плеск впадающего в реку ручья, да плаксивый стон канюка, кружащего над лесом: «пи-ить! пи-и-ить!»

У меня в руке удочка. Рыба не клюёт в реке, а я с уловом. В ведёрке и плотва, и пескари, и два язёнка. Есть на уху! Потому что я ужу с хитростью. Говорят, без труда не вынешь рыбки из пруда. Добавлю от себя: без смекалки — тоже.

Я ужу у раскрытого окна, а растворено это «окно»... в ручей!

Вы не замечали, что в жаркий полдень рыба скопляется около устьев лесных родников — ключей, впадающих в реку? Замечали?.. И рыбе в зной нужна прохлада. Как нам, если в комнате душно. Нам-то просто — открыл окно, и всё.

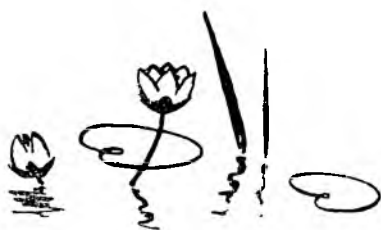
А рыбёшке каково? Ей ещё надо найти «окно»...

Что за вода в ручьях и родниках! Холодная, прозрачная, звонкая! В ней полощут ветви смородина, ива, черёмушник; она течёт сквозь глухие дебри, где солнечный свет редко пробивает хвойную навесь и всегда сумрачно.

Вот и выходит, рыбе порезвиться в устье таёжного ручья — то же самое, что нам посидеть у окошка.

Рыбке даже лучше! Мимо плывут, сверху сыплются разные рыбы лакомства: то жучки, то мошки, то какое-нибудь семечко. Не зевай, подхватывай!

Бывает, рыбёшка вместе с червяком крючок моей удочки подхватит. И задрожит, окунётся поплавок... Что бывает, то бывает!

ГАГАРИН КОМПАС

Июль... Тёплы и туманны ночи, погожи росные утра с зарёй в полнеба, а дни пахнут скошенной травой и светлы, как ромашка-нивянка!

На озере Слободском не бывал я с мая, и вот сюрприз — в сенях пустующей избы поселились квартиранты. Ласточки!.. Из гнезда высовывались, качаясь на длинных шейках, разинутые клювики.

Ну и скандал учинили ласточки, когда я выставил посушить на крыльцо мокрые сапоги! Ласточки летали вокруг, жалобно щебетали и взмахивали крыльями, точно в ужасе: «Что это за чёрные страшилища? И почему их сразу двое? Беда, если в гнездо заберутся!»

Сапоги, как и следовало ожидать, стояли, смиренно поникнув голенищами. Ласточки успокоились. Потом и на меня перестали обращать внимание...

Озеро Слободское — в центре края лесных трущоб и болотных хлябей. Здесь по рекам Слобозерке и Кехте живут бобры, здесь, словно лотосами, травой-белокрыльником покрыты топи, и по тихим озёрным омутам белые лилии ведут хороводы.

И видел я птицу гагару: мерно махая крыльями, она

протянула над заливом Шучья лахта. В остром клюве зажата поблёскивающая рыба. Знаю, гагары живут километрах в полутора от Слободского, на Идоловом озере. Там, кроме окуней, нет иной рыбы. Гагариным птенцам, наверно, захотелось чего-нибудь понежнее, помягче окунишек. Гагара несла им плотицу.

И была эта рыбёшка для гагары путеводным компасом.

Вёл гагару её компас к гнезду, где птенцы... Прямо, прямо!

РОГАТЫЙ МУЗЫКАНТ

Покойно в лесу перед закатом: ударит с ели шишка — заставит вздрогнуть; мышь высунется из норки, и её услышишь. Славно в этот час посидеть, внимая тишине леса, следя, как меркнут блики солнца на вершинах осин, и глубины чащи принимают в себя вечернюю тень.

Пристроишься где-нибудь на пенёчке, отдыхаешь от скитаний по болотам, среди боров и рощ, а думы бегут одна за другой, и забудешься, где ты и что с тобой. Внезапно встрепенёшься: что? что произошло? А ничего: просто солнце закатилось...

Я встал с пенёчка, закинул ружьё за плечо.

Дикий дребезжащий звук приковал меня к месту.

— Дзин-н-нь! Дзин-н-нь! — плыло из лесу. И мне почему-то стало не по себе.

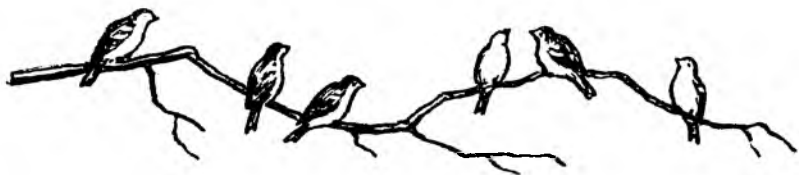
С опаской выглянул я из-за кустов. У высокого пня с расщепленной вершиной стоял лось. Наверно, подошёл к пню почесать себе бока, задел рогом расщепы; они задребезжали, и как же лосю понравилась эта музыка!.. Великан тешился, развесив уши.

— Дзинь! — ныли расщепы. — Дрын-н-нь!

— Вздор! — сказал я вполголоса.
— Дрын-нь! Тр-р-рень! — не унимался лось.
— Баловень ты! — ругнул я его. — Ерунда, не музыка!

Чуток лось: услышал мою критику. Такого стречка дал от пня, так припустил по лесу — кусты трещали, мох летел выше рогов!

ЗЯБЛИКИ-ПЕРВОКЛАССНИКИ

От полей наносило сытым запахом: поспели хлеба. Все было будто ошеломлено щедростью обычно скупого в эту пору солнца: зелено поднималась травотава на скошенных лугах, розовые острова цветущего кипрея источали медовый аромат.

По утрам пели птицы, забыв, что пошёл август...

Жёлтые перья на овсянке повытерлись за лето, была она сера, как воробей, и, полетев с куста, затенькала по-зимнему. Вот села повыше на ветку, подняла клювик к небу и — запела!

Оживлённо переключались пеночки.

В тенистом овраге разливался зяблик. От него учились петь всей стайкой молодые зябличата. Они были прилежны, подражали ему вовсю, но часто сбивались на трескучее чириканье. Робели, как малыши-первоклассники, когда те выводят в тетрадах первые буквы.

— Пинь! пинь-пинь! — подал команду зяблик.

Урок пения окончен.

Ученики рассыпались по поляне. Шалили, гонялись друг за другом, затевали возню прямо в воздухе. Словно ребята на переменке!

А в сети паука, между тем, бабочкой бился первый жёлтый листок, на зелёных рябинах ярко краснели гроздья ягод...

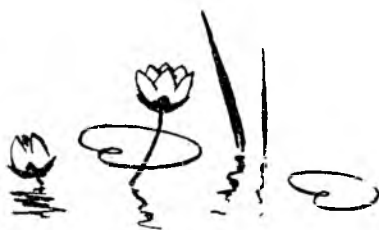

СИГНАЛ ОПАСНОСТИ

Болото... Кривы сосны, низки заросли березняка и стелющейся ивы.

Сюда рано приходит осень. Уже пришла... Мох в россыпи золотых листьев, и начеканили их с карликовых берёз стылые росы и туманы. Кусты голубики похожи на розы — так багряно и розово пылают в зелёных мхах, среди лилового вереска.

По болотам и их сырым окраинам осень обосновалась прочно, зато в глубине леса зелёно, на озере ещё распускается белая лилия, и кутерьмой света и синих теней затоплены поляны. Только и здесь вершины осин горят алым огнём. Подают сигнал: «Цвети, красуйся, белая лилия, да помни: теплу сейчас веры нет, осень стоит на пороге леса!»

ОБЫЧНОЕ ЗАДАНИЕ

Где-то на Севере, на границе тундры и хвойной тайги, есть аэродром. Сверкающим громадам тесно на земле, закованной в бетон, им небо — родная стихия, и, распластав крылья, дрожат они от нетерпения, грохотом моторов рвут воздух, напоминая собой стрелы, нацеленные ввысь.

Мчатся по тундре нарты, ненец-ездовой криком и взмахами хорея погоняет оленей, поёт тягуче о том, что он один в снежной завьюженной пустыне... Плывёт судно в льды и туман... Среди скал пробирается отряд геологов, им не на чем остановить взгляда — кругом горы, мох, каменные кручи... И не знают люди, что над ними в вышине, где вечно ясно небо, со свистом вспарывая воздух, несутся крылатые корабли. Им незнаком покой, они всегда на страже...

Весной в посёлке аэродрома появились ласточки. Они заняли самые высокие здания, налепили под крышами гнёзд, и все им были рады — взрослые и дети.

У Светы папа — генерал. Она смотрела на ласточек в папин военный бинокль и ребятам давала посмот-

реть. Ласточки у Полярного Круга — это многое значит. Они с Большой Земли, где в июне не выпадает снега, можно купаться в реках, загорать и бегать босиком, где нет голых болот с их комариным зудом, нет чахлах заморённых ельников лесотундры!

Лётчики, солдаты аэродромной службы, просто мамы и папы, глядя на ласточек, говорили:

— А вот у нас... — И вспоминали те места, где прошло их детство, — самые милые, как известно, места на земле.

Под осень ласточек в посёлке прибавилось. Летуны были неугомонны: шёл боец на пост — видел ласточек; возвращался белой солнечной ночью лётчик из полёта — и его встречал ласточий щебет.

Если погода портилась, ласточки отсиживались на чердаках, и без них тоскливее становилось в посёлке.

Нежданно-негаданно хлынула с моря стужа, белые хлопья поплыли в воздухе. Снежинки падали медленно и таяли, коснувшись земли и крыш.

Было сыро, холодно, однако ребята пошли в лес за брусникой. И Света увязалась за ними. Не прими её в компанию — рёв поднимет. Взяли ещё потому, что папа у неё — ого! Кто из ребят не знает, сколько фашистских самолётов сбил за годы Великой Отечественной войны лётчик-истребитель Белов! Он сражался под Москвой и Сталинградом, воевал в берлинском небе, он горел в самолёте, лицо у него в шрамах, а на груди две Золотые Звезды!

Светкины чёрные глаза, как радиолокаторы. Это она нашла под кустом мокрую дрожащую ласточку. Света спрятала её в варежку и дышала на неё, пока неслась в посёлок.

Ласточку поместили в картонную коробку, запеленали в вату и бинты, чтобы не билась. Она была нена сытна. Её кормили мухами, а ласточка всё разевала клювик и закатывала блестящие глазки.

В поисках мошек были облазаны чердаки, обеганы дома и солдатская казарма. Ребята с ног сбились. Ох, недаром у ласточек быстрые крылья!

После споров выход был найден...

Но на аэродром их не пустили: нельзя. К часовому вышел дежурный офицер и попал в окружение. Ребята галдели наперебой, Света громче всех. Офицер смеялся, затыкая уши. Он позвонил генералу Белову, что-то доложил вполголоса и подал телефонную трубку Свете.

— Папа! — закричала она. — Папа, у нас ЧП! ЧП, Папа!

ЧП — значит «чрезвычайное происшествие». Чуть спустя генерал подъехал к контрольно-пропускному пункту на зелёном армейском вездеходе. Он был в кожаном реглане, шлеме и меховых унтах.

— Что за ЧП, Светлана? Говори быстро...

— Вот, — подала ему Света коробку с ласточкой. — Она отстала, ей своих надо догнать. А наши самолеты везде летают: на север, на юг...

Генерал повернулся к дежурному:

— Вы, лейтенант, что-нибудь поняли?

— Так точно! Это... — офицер смутился. — Этот груз с попутной машиной отправить... Можно, товарищ генерал? — закончил он тихо и вытянулся.

У генерала что-то дрогнуло в суровом, покрытом

шрамами лице, от глаз к седым вискам пробежали морщинки.

— Так. Ясно! — Он обвёл взглядом ребят, улыбка тронула его твёрдые обветренные губы. Ласточка сидела в коробке смирно и доверчиво. И генерал Белов, словно отвечая своим мыслям, задумчиво произнёс: — Да-а, и тут жизни! Задание обычное...

— Папа, не забудь её подорожнички, — сказала Света, протягивая отцу коробку из-под спичек, в которой жужжали мухи. — Мы по всему посёлку собирали.

Генерал сел в машину рядом с шофёром, коротко приказал:

— На аэродром!

И уже приехав домой на обед, сообщил ребятам, игравшим во дворе:

— Груз на месте! — И добавил, посмотрев на их тёплые пальтишки и капоры: — Там детвора, между прочим, ещё в майках бегают...

КРАСАВА

Никак не забуду лебедя, пойманного рыбаками на озере для зоопарка. Лебедь лежал в хлеву на соломе, поджав под себя лапы, и голову держал низко. Он выглядел серым, безобразным. Я тогда ясно представил, что красота лебедя не в блестящей белизне оперения, не в длинной шее, которую он выгибает дугой, не в горделивой осанке или крыльях, поднятых, как косые паруса. Красота лебедя в прозрачной воде, когда он плывёт по ней, величавый и недоступный; в зелёных зыбких камышах, если возле них лебедь купается, плещется, и белые лилии похожи на оброненные им перья в голубой выси неба, где с трубным кличем летит могучая птица...

Я к тому это говорю, что не в моём характере держать птиц по клеткам. Неволья их не красит.

Однако со мной тоже вот что случилось.

Есть у меня товарищ — Александр Петрович. Он пешком исходил Север, Среднюю Россию, Кубань, Молдавию, Черноморское побережье Кавказа. Человек увлекающийся, он выращивает дома лимоны, пальмы, держит австралийских попугайчиков и возится с собаками. Зайдёшь к Петровичу, а у него пальмы возле

расписанного морозом окна, в кадках с пальмами растёт овёс для зелёной подкормки попугаев, и здоровенный пёс Трезор скалит на тебя зубы из-под кровати. Берегись, как бы попугаи тебе на голову не сели и Трезор не порвал штаны!..

Однажды встретил я Александра Петровича на улице. Он обрадовался, тискает мне руку и говорит:

— У меня свиристель есть. Хочешь, подарю?

— Живого? — Я был сбит с толку необычным предложением.

— Ну конечно! Берёшь?

Появилась у меня дома клетка. Свиристель, он такой — есть чем полюбоваться! Он розово-дымчат, с чёрной бородкой под клювом и острым колпачком на голове. Кажется, к свиристелю приложил руку искуснейший художник: тронул кистью концы белых перьев крыла, тронул хвост... И как оживил карминно-красной и жёлтой красками оперение чудесной птички! Недаром в народе свиристелей называют красавцами.

Я приладил к клетке зеркало. Думаю, увидит в нём свиристель себя, а посчитает, что соседом у него такой же, как он, птич, и станет ему веселее. Знаю, так делают клеточники. Но мой свиристелька глянул в зеркало да как взъерошится! И давай с ним драться. Пришлось зеркало убрать, тогда он успокоился.

Поразмять крылья я выпускал его на кухню. Заманить его в клетку обратно было просто: положи в блюдце для питья ком снега, свиристель сам залетит. И воду он пил, но снегу отдавал явное предпочтение.

Зимой свиристели питаются ягодами. Я зачастил в аптеку.

В конце концов, кому какое дело, для чего мне сушёная рябина и шиповник?

А попал я в смешное положение.

Вот прихожу как-то за рябиной. Аптекарьша отозвала меня в сторону и говорит участливо:

— Я вас давно замечаю. Вам бы к доктору обратиться. Да, да! Возможно, у вас авитаминоз?

И предложила мне пить... рыбий жир!

Представляете, какой был аппетит у моей красавы, если я каждый день в аптеку бегал?

Гостила у нас тётя. Старенькая, на ухо туга. Всё ждала писем от внучат — любила их получать. И частенько ей слышался звонок: почтальон!

Торопится тётя, шепчет: «Сейчас, батюшка!» Отпрёт дверь, а за ней пусто. Приляжет на диван отдохнуть. Что такое — опять звонок! И опять за дверью никого нет. Потом мы тёте объяснили, что это не звонок — свиристель поёт!

По вечерам свиристель зевал и, если забывали затенить клетку, спал, спрятав голову под крыло. Часто он вздрагивал, насторожённо топорщил хохолок. Что ему снилось: могучие северные ельники, где снег и стужа, где луна льёт свет на поляны; вкрадчивый шорох шагов таёжного зверья, мечущиеся среди заиндевелых деревьев тени сов?..

Погиб он нелепо, до сих пор я этим мучаюсь. Подумайте, что станется с какой-нибудь южной птичкой, если её перенести в наш лес зимой? Замёрзнет, и всё. А моему свиристелю, наоборот, был нужен холод.

Он жил в тепле, и тепло его и погубило, тепло, которым я окружил моего пленника...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Тяжёлой громадой темнеет туча, принесшая снег. Она медленно сваливается за лес. Крепкий здоровый запах идёт от земли, и ощущается он сильнее, когда выйдешь из натопленной избы на мороз. Это — дыхание снегов. Синее, густой синевы небо, скирды соломы у гумна, избы, разбежавшиеся по косогору, — всё в белом мягком сиянии.

Ребятишки возятся у снеговика с дырявым ведром на голове и метлой у бока. Они затевают игру. Мальчик в большой шапке и рукавицах-шубенках проводит расчёт:

Раз, два, три, четыре, пять —
Видел спутника опять!
Раз, два, три...
Кто не видел, выходи!

— Не по правилу, — ершится парнишка, которому досталось водить. — Тимоша-засоня вчера спутника проспал. Пускай он водит!

Быстро эта считалка облетела родные края. Я слы-

шал её и в городах, и в затерянных среди лесов деревушках, как эта.

Берёзу у крыльца обсела стайка синиц. Они неуёмно веселы. Лазают по веткам, отдирают клювиками серебристую берёсту и галдят: «пинь-пинь... тэа!» Одна пушистая непоседа на земле: барахтается, окунает в снег белощёкую головку и пищит. Да она ж купается — в снегу купается! И другая, жёлтая, как одуванчик, слетела на снег. Тоже выкупалась, распустив крылышки и до земли выбивая белый сверкающий пух.

Первый снег...

Пригоршней зачерпнув снега, который сперва рассыпался, потом сочно запохрустывал, холодя ладони, я только и нашёлся сказать:

— Хорошо!

... Я знаю, Ленин на чужбине очень тосковал по нашей русской зиме.

Чтобы услышать скрип снега под ногами, он поднимался в горы, на самые кручи Альп.

— Хорошо на горах зимой! — говорил Ильич. — Прелесть, и Россией пахнет.

И как же ему не терпелось ступить на родную землю, где самое малое — гроздь рябины в белом от инея перелеске, свист полозьев по укатанной дороге, запах снега — да, самое малое так много говорит нам!

СОДЕРЖАНИЕ

Барабанщики весны	3
Веснушки на снегу	5
Ель в люстрах	6
На пяточке	7
Лесной концерт	10
Тёплая земля	13
Жаворонки	15
Еловый букет	19
Сказка таёжного ручья	20
Солнечный цветок	22
У раскрытого окна	24
Гагарин компас	26
Рогатый музыкант	28
Зяблики-первоклассники	30
Сигнал опасности	32
Обычное задание	33
Красава	37
Первый снег	40

*ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА*

Иван Дмитриевич Полуянов

БАРАБАНЩИКИ ВЕСНЫ

Редактор *Л. И. Одинцова.*

Художеств. редактор *В. С. Вежливцев.*

Оформление *Н. И. Кислякова.*

Техн. редактор *Л. А. Большакова.*

Корректоры

М. М. Михайлова, Р. В. Картинова.

Сдано в набор 27/IV 1960 г. Подп. в печать 27 V 1960 г.
Форм. бум. 60×84¹/₂. Физ. печ. л. 2,75. Усл. печ. л. 2,5.
Уч.-изд. л. 1,3. Тираж 30 000. Сл 01023. П53.
Архангельское книжное издательство.

Изд. № 3949. Заказ № 1196. Цена 40 коп.

Типография им. Склянина, г. Архангельск,
Набережная им. Сталина, 86.

РЕБЯТА!

Прочтите эти книги:

А. Аксёнова. **Ясные звёзды.** Сборник рассказов для школьников младших классов.

А. Зыков. **Волшебный подарок.** Сказки для детей среднего школьного возраста.

И. Полуянов. **Рога менурей.** Рассказы для детей младшего и среднего школьного возраста.

А. Пырерко. **Младший сын Вэдо.** Повесть для детей среднего школьного возраста.

Эти книги выпустит для вас в 1960 году Архангельское книжное издательство.